

По птичьему лёту, по зыбкому льду
Весне первоцветной навстречу иду.
Ветра прилетают
И лёд подъедают,
И дуют в шальную дуду.

И голуби мнутся у кромки пруда,
И смотрят, любуясь, как дремлет вода
До майского срока,
В предчувствии рока —
Могучего таянья льда!

С Господних и горних поющих высот
Нисходит сиянье на тающий лёд.
По лужам весёлым,
Взметая подолом,
Весна мне навстречу идёт.

“Переплыть бы раздольну Волгу
По лихому течению встречь!” —
Так дерзания юности колко
Будоражили кровь и речь.

Растревожена девья память
Ускользящей вспять реки.
Всё, что было, сокрыла заводь
Да угрюмые рыбаки.

Было нас, окаянных, трое —
Ты да я, и... река! Река,
Искупавшая нас собою,
Искупившая всё лихое
И сбежавшая в облака...

* * *

На столе букет из сухих цветов
И рябина... рябина — в глазах рябит!
Эта комната помнится нам без слов,
От того и кажется — без обид.

И покуда никто ещё не привык —
Хорошо бы не приходиться тебе.
Если говорю, то без закавык.
Да не думай, не думай, не по злобе!

Так бывает: нельзя ничего спасти,
Эта комната нам, что казённый дом...
Эта кисть рябины в моей горсти
Поцелуйным пылает твоим огнём!

Паутины много наплёл паук...
Всё осенний дым от костра, всё тлен.
Не боюсь к разлуке привыкнуть вдруг —
Я боюсь непрошенных перемен!

На столе букет из сухих цветов
И рябина, рябина — в глазах рябит...
Эта комната помнится нам без слов,
От того и кажется — без обид.

* * *

Ты снишься, как черёмуховый ветер.
По-майски ясно и светло в саду...
Любовью дышат душные соцветья,
И я по саду, юная, иду.

Несмелая, иду под вздох черёмух,
Себя на “до” и “после” не деля.
Мой самый точный, самый важный промах —
Жить начинаю набело, с нуля.

Пусть запах той черёмухи ознобкой,
Гонимый ветром, вскинется в окно,
И я поверю в суть примет народных:
Не всё ли жизнью определено?!

Фасонится черёмуховым платьем
Княжна-весна, не ведая, зачем...
Цветущая у юности в объятых
Влюблённость — вот поэма из поэм!

Весенний мой, стремительно-рассветный,
Влюблённо-юный невозвратный май,
Не утрашишь безудержного ветра,
Черёмуховых судеб не ломай...

* * *

Нрав мой — клинок стальной. А ты думал — шёлк?
(Лучше б ты никогда меня не нашёл!)
Властвуют в нём — не сносить тебе головы! —
Вспыльчивость вихря, колкость осок-травы,
Резкость и резвость молнии шаровой...
Что, говоришь, не боишься норова моего?!

Жжётся привольностью диких горячих степей
Волжский напев мой — спелых ночей горячей.
Всходят ковыльные звёзды, пьянят за погляд,
Песни мои о тебе по-степняцки звучат.
Солнце казачье светает поить-полонить —
Зря ты распутывал нежности шёлкову нить.

Встретил-приветил клинка раскаленную сталь —
Вздорного нрава мою огневую печаль.
Зря уверял — не страшишься досужей молвы.
Ох, повторю: не сносить тебе головы!
Степь изнутри тебя выжжет, посмевший забыть,
Как ты однажды распутывал шёлкову нить.